

Ю. Н. ВОРОНОВ, О. Х. БГАЖБА

КРЕПОСТЬ ЦИБИЛИУМ — ОДИН ИЗ УЗЛОВ КАВКАЗСКОГО ЛИМЕСА ЮСТИНИАНОВСКОЙ ЭПОХИ

Среди многочисленных памятников древней и средневековой культуры, характеризующих окрестности села Цебельда, расположенного в среднегорной части Гульришского района Абхазской АССР, в 30 км от Сухуми, особое место занимает крепость Цибилуим, отождествляемая¹ с упомянутой в источниках VI в. (Прокопий Кесарийский, Агафий Миринейский) главной крепостью Апсилии Тзибила — Тсибила — Тибелия. Согласно этим источникам, крепость была хитростью захвачена персами летом 550 г., затем ее освободили апсилы, а осенью того же года здесь разместился византийский гарнизон². Осенью 556 г. Цибилуим был вновь использован византийцами как опорный пункт против соседей апсилов мисимиян³.

Апсилия — древнеабхазское политическое образование, в прибрежной зоне которого, на месте современного Сухуми, располагалась одна из крупнейших восточнопричерноморских римско-византийских крепостей — Себастополис⁴. Он должен был охранять Клухорский перевальный путь (совр. Военно-Сухумская дорога), издавна связывавший побережье с Северным Кавказом и проходивший через Цебельдинскую долину, где был расположен центр Апсилии⁵. Территориальная близость к Себастополису и удобная с ним связь благоприятствовали сближению апсилов с Римом, а затем с Византией. Во второй половине IV—V в. население центральных областей Апсилии увеличивается, заметно расширяется поступление средиземноморской продукции на местные рынки, налаживается производство (по византийским образцам) собственной амфорной тары⁶. Вместе с тем учащаются набеги северокавказских народов (гунны, аланы и др.) через Апсилию к жизненно важным центрам Византии в Колхиде и Малой Азии. В условиях нарастания византийско-иранских противоречий возникла необходимость в создании оборонительной системы, которая бы защищала как поселения апсилов, так и рубежи империи в этом районе. Время формирования этой системы определялось обычно рамками IV—V вв. н. э.⁷, однако исследования последних лет в Цибилуиме и других крепостях Апсилии заставляют сегодня пересмотреть эту дату.

В ходе раскопок, проводившихся в крепости в 1977—1985 гг. Цебельдинской экспедицией Абхазского института языка, литературы и истории

¹ Миллер А. А. Археологический и этнографический очерк Черноморского побережья // Живая старина. СПб., 1908. Т. I. С. 2; Иващенко М. М. Великая Абхазская стена // ИАНО, 1926. IV. С. 85; Пачулия В. П. Исторические памятники Абхазии, их значение и охрана. М., 1968. С. 123; Воронов Ю. Н. Тайна Цебельдинской долины. М., 1975. С. 32—35 и др.

² Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1951. С. 403 (VIII, 10, 1—8).

³ Агафий. О царствовании Юстиниана. М.; Л., 1953. С. 118 (IV, 15).

⁴ Воронов Ю. Н. Диоскуриада—Себастополис—Цхум. М., 1980. С. 95—96.

⁵ Воронов Ю. Н. Тайна. . . С. 145.

⁶ Там же. С. 68, 141—142.

⁷ Там же. С. 142, 145.

им. Д. Гулиа АН Грузинской ССР и Абхазского государственного музея ⁸, выявлен великолепный ансамбль оборонительных, жилых, хозяйственных и культовых сооружений, а также выразительный археологический материал (керамика, вооружение, монеты и др.), в основной своей массе четко датируемый в пределах второй четверти — середины VI в. и по своему значению далеко выходящий за рамки истории собственно Цebelды ⁹.

Крепость занимает два скалистых утеса (рис. 1). Оборонительные стены охватывают их с запада (свыше 60 м), с севера (350 м) и частично с востока (50 м). С юга крепость защищена 400-метровой линией обрывов, спадающих в ущелье Кодора (рис. 2). Наиболее доступный западный утес, исследование которого завершено в 1985 г., защищен двойной линией стен, усиленных тремя мощными башнями (рис. 3).

Наружная стена — протейхизма — протянулась почти на 70 метров. В плане она имеет форму меандра, охватывающего в средней части прямоугольный дворик, скрывающий в своей глубине главную калитку. Стены протейхизмы сложены крупноквадровой панцирной кладкой на прочном известковом растворе, кое-где с примесью толченого кирпича. Длина отдельных блоков в панцирях достигала метра, высота — 0,3—0,4 м (рис. 4). Кое-где снаружи видны пазы от брусьев строительных лесов. Толщина протейхизмы 2,6 м. Изнутри она имела 11 ниш шириной 1,8—2,8 м при глубине 1,2—1,25 м. Ниши были перекрыты арками, поверх которых проходила боевая тропа, огражденная снаружи барьером с зубчатыми. Протейхизма местами сохранилась на высоту до 5,25 м, первоначальная же ее высота была не менее 6—7 метров.

За протейхизмой выступает главная стена, сложенная мелкоквадровой кладкой, с соблюдением рядов в панцирях, где все неровности заглажены раствором, а швы декоративно подчеркнуты (рис. 5). Такая кладка (*opus incertum*), зародившись в Римской империи еще во II—III вв. н. э., получила затем широкое распространение в византийском зодчестве ¹⁰. В Восточном Причерноморье подобная кладка зафиксирована впервые.

Главная стена (ее толщина 2,4—2,6 м) имела боевую тропу за зубчатым барьером. Исходя из объема завала вокруг стены и из указаний «Тактики» анонимного автора VI в., определявшего высоту куртин в 12 локтей (около 9,5 м) при толщине 5 локтей (около 2,3 м) ¹¹, можно считать, что высота главной стены Цибилума составляла 10—12 метров.

Двойные стены широко практиковались в ранневизантийском фортификационном зодчестве. В Колхиде этот признак имеют: Петра (Цихиздири), построенная византийцами во второй четверти VI в. к северу от

⁸ Состав экспедиции: кандидаты исторических наук Ю. Н. Воронов (руководитель экспедиции), М. М. Гунба (зам. руководителя экспедиции и участник исследований 1977—1979 гг.), О. Х. Бгажба (участник исследований с 1977 г., зам. руководителя экспедиции и начальник отряда с 1979 г.), Л. Г. Хрушкова (участник исследований 1977—1979 гг.), зав. сектором археологии Абхазского государственного музея Н. К. Шенкао (участник исследований и зам. руководителя экспедиции с 1978 г.), лаборанты В. Г. Трапш и В. А. Логинов, фотограф В. Б. Левингас и др.

⁹ Воронов Ю. Н. и др. Раскопки в Цebelды // ПАИ в 1978 г. 1981. С. 175—183; Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х., Логинов В. А. Исследования Цибилума // ПАИ в 1979 г. 1982. С. 118—124; Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х., Шенкао Н. К. Археологические исследования в Кодорском ущелье // ПАИ в 1980 г. 1982. С. 63—68; Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х., Шенкао Н. К., Логинов В. А. Исследования в Цebelды // АОА 1980 г. 1982. С. 81—86; Воронов Ю. Н. Раскопки башни № 3 // АИЦ 1977 г. 1983. С. 40—53; Бгажба О. Х. Раскопки башни № 1. // АИЦ 1977 г. 1983. С. 6—9; Гунба М. М. Раскопки башни № 2 и помещения № 1. // АИЦ 1977 г. 1983. С. 27—39; Воронов Ю. Н. Стекло из раскопок Цибилума (1977—1980 гг.) // ИАИ, 1983. XI. С. 118—124; Он же. Исследования Цибилума // АО 1982 г. 1984. С. 423—424; Он же. Краснолаковая посуда Ассилии (V—VI вв.) // ИАИ, 1984. XII. С. 83—96; Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х., Шенкао Н. К., Логинов В. А. Работы Цebelдынской экспедиции // ПАИ в 1981 г. 1984. С. 74—77, 186—189; Воронов Ю. Н. Исследования Цибилума // АО 1983 г. 1985. С. 465—466 и др.

¹⁰ Lugli G. *Tecnica edilizia romana*. Roma, 1957. P. 25, 258, 314; Venedikov J., Ognenova-Marinova L., Petrov T. *Disposition, Foursilles et remparts de Nessebre du coté occidental // Nessebre*. Vol. 1. Sofia, 1969. P. 93, fig. 71; Vareba K. За терминологията на строителните техники през античността // Археология. София, 1979. № 1. С. 4, обр. 6.

¹¹ Овчаров Д. С. Византийски и български крепости V—X век. София, 1982. С. 35.

Батуми¹², лазские крепости Археополь (Нокалакеви)¹³ и Родополь (Вардцихе)¹⁴, а также, по-видимому, Гагрская крепость¹⁵. Двойной стеной в VI в. были укреплены Херсонес¹⁶ и Эски-Кермен¹⁷ в Крыму. На территории Болгарии в настоящее время известно около 30 крепостей с протейхизмой¹⁸.

Подходы к стене охраняли башни. Первая из них (12×6 м при высоте свыше 13 м), венчающая край обрыва к Кодору, сильно выдвинута вперед перед фасом протейхизмы (рис. 6). Через бойницы и с перекрытия башни контролировались подходы к центральному дворику перед калиткой, причем стрелы поражали врага с правой, незащищенной стороны. На скальной основе была сперва возведена сердцевина башни, имевшая в восточной части камеру (глубина ее 6 м, размер в плане 1,14×2,11 м), а в западной части — монолитную, скрепленную раствором структуру из ломаного камня, облицованную квадрами. Затем был возведен наружный панцирь из гладко обработанных блоков известняка, сложенных в строгие ряды. На втором этаже башни находилось помещение (6,6×2,4 м), имевшее бойницы в северной и северо-западной гранях, большое арочное окно — в южной стене и дверной проем — в восточной. В восточной части помещения в полу находится лаз в камеру: до начала 30-х годов текущего столетия он был заложен замковой плитой. На блоках из внутренней облицовки камеры выбиты греческие буквы I, Ψ и Θ. На дне камеры сохранилось около метра древнейших накоплений, содержащих обломки амфор и пифосов VI в.

Главная особенность этой башни — ее клинообразная западная часть, сильно поврежденная кладоискательским взрывом в 1961 г. Благодаря обмерам А. А. Миллера (1907 г.)¹⁹ и следам на скале угол клина определен в 108—110°. Пентагональная башня Цибилиума пока единственный памятник такого рода в Восточном Причерноморье. Аналогичная башня в сходной же позиции выявлена в Эски-Кермене²⁰. В других районах Византийской империи (Балканы, Малая Азия, Сирия, Северная Африка, Италия и др.) их известно около сотни²¹.

Северо-восточный угол двора в изгибе протейхизмы против калитки занимала печь для обжига известняка (рис. 7), древнейшая из известных в Восточном Причерноморье. Снаружи она в плане квадратная (4,6×4,7 м), внутренняя же камера имеет форму овала (2,42×1,8 м) и соединена с внешним пространством топочным каналом шириной 0,56 м. Сложена печь на глинистом растворе из мелких известняковых квадров, образующих изнутри двойной, а снаружи однорядный панцирь. Наряду с обломками амфор и кухонной посуды в камере найден железный нож (рис. 8, 18). Печь была как бы вписана в изгиб протейхизмы в начале строительства крепости и разрушена сразу же по его завершении. Затем площадка была выровнена и на ее поверхности стали откладываться накопления начального периода функционирования Цибилиума.

¹² *Леквинадзе В. А.* О постройках Юстиниана в Западной Грузии // ВВ, 1973. 34. С. 174, рис. 3.

¹³ *Закарая П. П.* Общий отчет о работах, проведенных в Нокалакеви в 1975—1977 гг. // Нокалакеви — Археополис. Археологические раскопки 1975—1977 гг. Тбилиси, 1981. Рис. 1, 7.

¹⁴ *Джанапаридазе В. М.* Вардцихское городище: (К археологическому исследованию раннесредневековых городов Эгриси) // Автореф. дис. . . канд. ист. наук. Тбилиси, 1981. С. 12.

¹⁵ *Адзинба И. Е.* Архитектурные памятники Абхазии. Сухуми, 1958. С. 17, 22.

¹⁶ *Якобсон А. Л.* Раннесредневековый Херсонес // МИА, 1959. № 63. С. 101; *Кучма В. В.* Оборонительные сооружения Херсонеса Таврического в свете установок «Тактики Льва» // АДСВ, 1965. Вып. 5. С. 161.

¹⁷ *Веймарн Е. В.* Оборонительные сооружения Эски-Кермена: Опыт реконструкции // История и археология средневекового Крыма. М., 1958. С. 52—53.

¹⁸ *Овчаров Д. С.* Протейхизмат в системата на ранновизантийската укреплениа по нашето земли // Археология. София, 1973. № 4. С. 11—23.

¹⁹ Архив ЛОИА. Д. № 27 за 1907 г.

²⁰ *Веймарн Е. В.* Оборонительные сооружения. . . Рис. 6.

²¹ *Бобчев С. Н.* Крепостните кули с издаден остър ръб и значението им за укрепяването на античне градове // ИАИ. София, 1961. XXIV. С. 103—145.

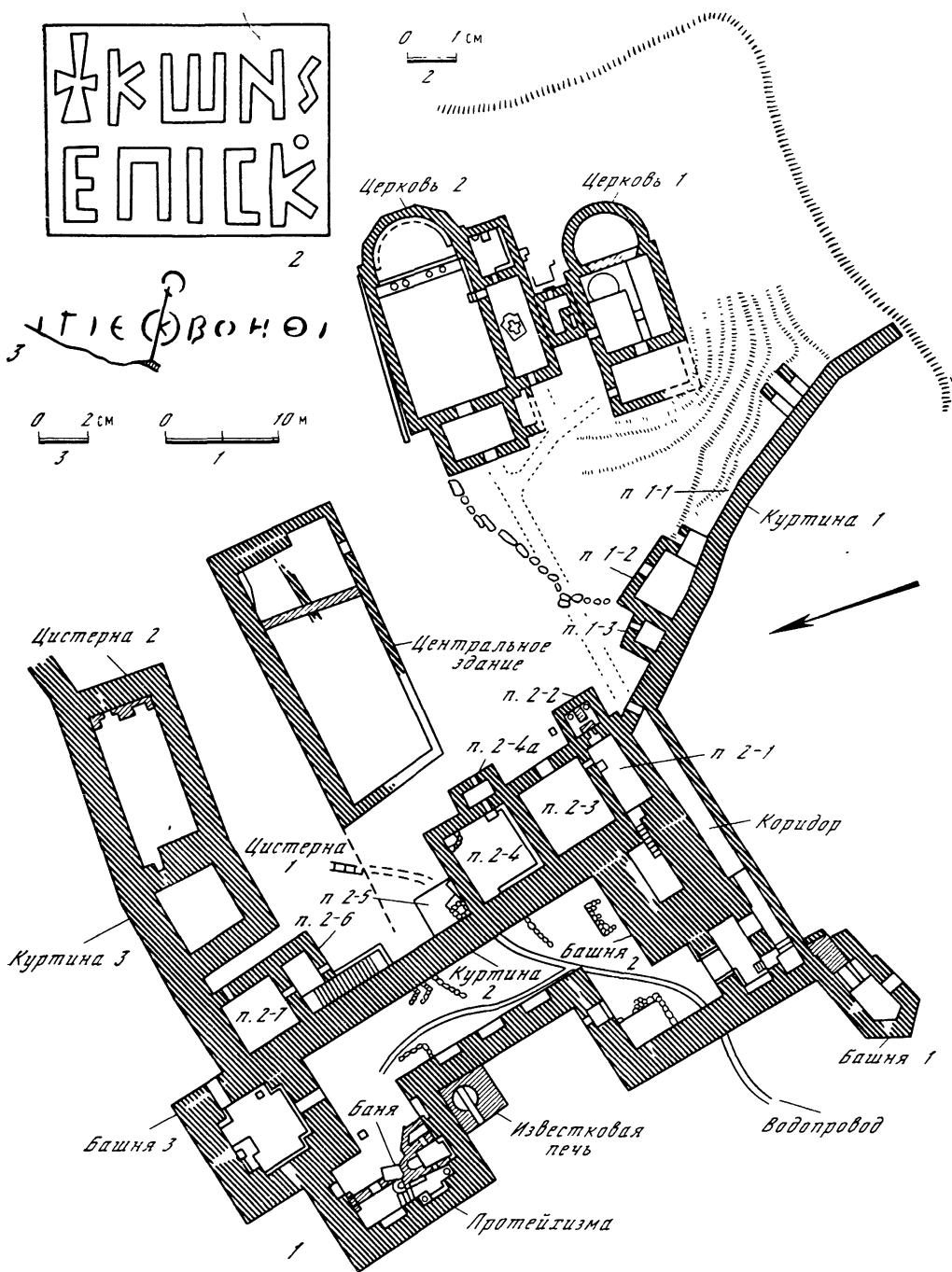

Рис. 3. Общий план раскопанных объектов (1), позитив клейма на кирпичач и черепице (2), надпись на кирпиче (3)

Ширина проема упомянутой калитки изнутри 1,9 м, снаружи же он сужен выступами из тесаных квадров до 1,2 м. Калитка имела две створки, вращавшиеся в специальных лунках, выбитых в плитах за выступами. В восточной стене калитки сохранился паз (0,18×0,2 м) от засовного бревна. Наружный порог калитки разрушен, внутренний хорошо сохранился. Площадка между ними выложена плитами, на двух из которых выбиты греческие буквы Γ (рис. 9).

Калитка вводит в перибол — пространство между протейгизмой и главной стеной. Рядом с калиткой справа в углу (рис. 10) находилось

помещение (5×4,5 м), от которого сохранились выложенный кирпичом пол, основание южной каменной стены и яма для столба, поддерживавшего кровлю. На полу в основании культурных отложений найдены медная монета, отчеканенная в Константинополе в первое десятилетие правления Юстиниана I (рис. 11, б), стилос из слоновой кости (рис. 8, 22), обломки амфор и др. Вдоль стены лежало свыше 1300 пращевых ядер — отборной речной гальки, привезенной сюда из расположенного в 4 км северо-восточнее Джампальского ущелья. В основании протейхизмы вблизи угла имеется отверстие, служившее для отвода дождевых потоков с боевой тропы через толщу стены под пол помещения. Ниже пола шла засыпка, в которой найден бронзовый щиток пряжки (рис. 8, б). Еще ниже в углублении скалы выявлено захоронение девочки, где находился инвентарь рубежа IV—V вв. н. э. (рис. 12, г). Рядом с ним при строительстве были разрушены и другие захоронения, в одном из которых была миска (рис. 13, 12). Таким образом, примерно за 100 лет до постройки крепости здесь располагалось кладбище апсидов.

За южной стеной помещения с ядрами в засыпи обнаружена линия водопровода, построенного до возведения протейхизмы. Водопровод представляет собой желоб из камня на растворе (сечение 12×10 см, толщина стенок 13 см), перекрытый плоскими кусками известняка. Изнутри желоб обмазан сантиметровым слоем красной цемьянки. Линия водопровода прослежена вне крепостных стен на 354 м — до единственного в этом районе родника на юго-восточном склоне горы Адагуа, дебет которого (4—5 кубометров в сутки) соответствует сечению желоба.

Башня 2 возведена вплотную к главной стене. Ее наружный размер 9,55×9,5 м при сохранности стен на высоту до 4—5 м. Во внутреннее помещение башни вход вел через главную стену: уцелела нижняя часть дверного проема шириной 0,95 м и высотой свыше 2,4 м. Внутренний порог представляет одну из 12 ступеней лестницы, по которой спускались в башню (рис. 14). Обращает на себя внимание непомерная толщина ее стен: с севера и юга она составляет 3,2 м, с запада — 4 м. Размер же внутреннего помещения 3,16×5,5 м. Панцирь стен башни сложен из грубообработанных мелких квадров: соблюдены ряды, а швы в дальнейшем подвергнуты декоративной обработке. Северная стена сохранила внутри след бревна, уходившего своими концами в толщу западной и восточной стен. Судя по этим и другим признакам, башня служила основанием мощной катапульты, метавшей через протейхизму каменные ядра. Сотни таких ядер весом от 25 до 40 кг выявлены в ходе раскопок внутри башни и вокруг нее по всей территории крепости.

В забутовке западной стены катапультной башни найдена бронзовая серьга с двумя отверстиями для подвесок (рис. 8, 9). При разборке завала внутри башни вдоль ее южной и частично восточной стен обнаружены обломки четырехрядного кирпичного (31×31×4 см) пояса. В Восточном Причерноморье четырехрядные кирпичные пояса, получившие широкое распространение в позднеримском и особенно в ранневизантийском зодчестве, присутствуют также в кладке стен Археополя, Родополя, Сканды и Сарапаниса (Шорапани) ²².

Раскопки внутреннего помещения башни 2 позволили установить следующие этапы ее истории (рис. 12, а). После сооружения башня короткое время использовалась под жилье — на поверхности скалы отмечены три кострища, вокруг которых найдены более 500 обломков керамики (64 % — импортные амфоры), половинка краснолакового блюда (рис. 13, 5) и светильник (рис. 13, 10), аналоги которым датируются VI в. (Афины, Сирия) ²³. Поверх этих остатков накопился полуметровый слой щебенки,

²² *Леквинадзе В. А.* Материалы по монументальному строительству в Лазике // ВГМГ. 1961. XXII-В. С. 142, 146—147; *Джанаридзе В. М.* Вардцхское городище. . . С. 12—13.

²³ *Robinson H. S.* Pottery of the Roman Period. Chronology // *The Athenian Agora*, V. Princeton, 1964. P. 116, pl. M. 350; *Thalmann I. P.* Tell'Arqa (Liban Nord). Campag-

известии, песка и кирпичей, отражающий какое-то запустение, вновь сменившееся коротким периодом человеческой активности — вдоль северной, сильно закопченной стены башни и по ее центру отмечено до 20 кострищ. Пространство между ними заполняли наносы земли, песка, глины, перемешанные с обломками керамических изделий (около 3000 фрагментов, из которых импортные амфоры составили 68 %, пифосы — 7, кувшины — 4, горшки — свыше 20 %) и костей животных (в основном домашних, среди которых, по определению Н. И. Бурчак-Абрамовича, преобладали молодые свиньи, мелкий рогатый скот, некрупные лошади и быки, куры), образовавших слой толщиной до 1,5 м. Среди других находок — железные наконечники стрел, нож, гвоздь и кольчуга, обломки стеклянных стаканов, рюмок и оконного стекла, костяные игольник и пластины-обкладки боевых луков, каменная подвеска с изображением солнца и каких-то знаков, пращевые шары и другие материалы, судя по всему, отражающие быт византийского гарнизона, который разместился в Цибилиуме осенью 550 г. и провел здесь несколько холодных недель или месяцев. На этом жизнь в башне прекратилась.

Снаружи северной стены катапультной башни под четырехметровым завалом обнаружена вымощенная камнем площадка (2×3 м) с многократно использованным кострищем. Среди находок интересны обломки амфор (43,3 %), рюмки из зеленого и синего стекла, ножка роговидного стеклянного сосуда с продольными голубыми полосами. Вымостка перекрывала завал стены башни с обломками каменных желобчатых стоков, упавших с крыши башни.

Ниже проходит водопроводная линия, заходя сначала под угол протейхизмы, а затем под главную стену. Здесь от основной линии водопровода в сторону бани отходило ответвление, принимавшее воду через горло амфоры (рис. 13, 17), на стыке вмазанной в раствор. Выше и ниже водопроводной линии от главной стены отходят две низкие, сложенные насухо каменные стенки, предназначавшиеся для террасирования склона. К главной стене в ее средней части прислонена небольшая постройка из камня на глинистом растворе, вокруг которой отмечены скопления железного шлака. Ниже, у угла протейхизмы, выявлены контуры (1,6×2 м) еще одного помещения. В периболе отмечены накопления трех периодов — строительного, первоначального и заключительного использования. Среди находок — обломки конской уздечки, железная бритва, стеклянный бальзамарий (рис. 8, 14). Вблизи юго-западного угла третьей башни найден очаг — площадка из двух слоев кирпича, почва вокруг которой утрамбована щебнем. Поверх очага найдена ножка самосской амфоры (рис. 13, 18).

Северную часть перибола в изгибе протейхизмы занимает баня. Первое ее помещение — фригидариум — вписано в угол между северным и западным отрезками протейхизмы, а его пол выложен мергелевыми плитами на цемянковом растворе. С юга оно примыкало к тепидариуму, с востока же его контур образует каменный канализационный желоб, выводивший воду из ванны калдариума за пределы крепости. В северо-восточном углу фригидариума найдена вмурованная в желоб горловина амфоры (типа рис. 13, 5), через которую уходила вода. На полу громоздились плиты (до 1 м в поперечнике), которыми когда-то была сложена лестница, выводившая на боевую платформу протейхизмы.

Из фригидариума в тепидариум (его размер в плане 3,17×1,74 м) ведет трехступенчатая лестница (рис. 15). Ширина входного проема 0,76 м; на пороге выбит желобок для стока воды. В северо-западном углу находился бассейн (0,5×0,7 м при глубине 0,4 м), сложенный из мергелевых плит. Вдоль стен — каменные сиденья шириной до 0,35 м, в одном из которых использован кусок мельничного жернова. Пол помещения — из мергелевых плит, положенных в два слоя на цемянковом растворе, — держится на кирпичных арках и каменных столбиках. В юго-восточном углу сохра-

нилось основание дымохода, состоявшего из вставленных друг в друга амфор (рис. 13, 13), отбитые донья которых пайдены рядом. Пол подогревался через перекрытое кирпичной аркой топочное отверстие, сохранившееся снаружи рядом с лестницей. Из тепидариума в калдариум ведет дверной проем (ширина 0,84 м), когда-то перекрытый кирпичной аркой. Стены помещения сложены из грубообработанных известняковых блоков, ряды которых перемежаются трехслойными кирпичными поясами, присутствующими и в полукруглой ванне (ее размер $0,95 \times 1,2$ м при глубине 0,7 м), примыкающей к помещению (рис. 16). Кирпичное дно ванны покато к северу, где сохранилось сливное отверстие, выводившее в прямоугольный отстойник. В растворе, покрывавшем стенки и дно ванны, найдены обломки амфоры и трех рюмок (рис. 8, 12) из зеленоватого стекла. Снаружи, рядом с ванной, расположено прямоугольное топочное отверстие. С востока к горячему помещению примыкал резервуар ($1,3 \times 0,85$ м при глубине 0,5 м), облицованный многослойной водонепроницаемой цемянкой. Под ним находится третья топочное отверстие с кирпичной аркой, через которое подогревались как вода в резервуаре, так и пол калдариума. Вокруг бани найдено много обломков зеленоватого оконного стекла, фрагменты амфор (рис. 13, 14) и кувшинов, железное шило (рис. 8, 28), бронзовая игла (рис. 8, 27) и др. На кирпичах из кладки стен нанесены перекрещивающиеся полосы, полукруг и буква К, служившие для более прочного сцепления с раствором (рис. 11, 2—4).

Третья башня — великолепный образец архитектуры VI в. Будучи наиболее высокой в системе (ее северная стена превышала 13 м), эта башня объединяла в себе мощь двух первых, как бы уравнивая их на правом фланге обороны. Ее внутренний размер $6,85 \times 6,6$ м при толщине стен 2,5 м и высоте их от 5 до 8 м (рис. 17; 18). Башня имела покоившееся на четырех массивных угловых опорах кирпичное перекрытие, представлявшее собой, по-видимому, уже полный парусный свод, образованный вырезанным из сферической поверхности квадратом, который в своей верхней части, находящейся над уровнем вершин подпружных арок, является как бы самостоятельным куполом, еще очень пологим. С обломком его центральной части связана железная петля. Деревянное междуэтажное перекрытие опиралось на консоли, которыми служили блоки, выступающие из опор и плоскости южной стены. Последние совершенно аналогичны консолям из башен Археополя²⁴.

В южной стене хорошо сохранился входной проем, выводивший в перибол. Высота проема изнутри 2,92 м, снаружи — 2,2 м, ширина 1,27 м. Его арка состоит из семи рядов крупных клиновидных блоков, из которых строго в соответствии с рядами нанесены метки в виде греческих букв В и К, а также стреловидных значков. В западной и частично в северной стенах сохранились бойницы, расположенные между крупноквадровыми укрепительными поясами. Высота бойницы изнутри 1,6 м, ширина 0,85 м, снаружи — соответственно 1,1 и 0,22 м. Бойница перекрыта аркой из пяти клиньев, причем средний блок изящно выступает за линию дуги. Подобная конструкция характерна для большинства входных проемов Археополя²⁵. В северной стене на уровне пола имеется отверстие (18×20 см), перекрытое камнем с угловыми выемками. Перед ним раскопан каменный очаг с кирпичным полом. В восточной стене сохранилась арка запасного выхода (высота проема 3,08 м, ширина 1,25 м) из крепости для вылазок. Расположен этот выход с таким расчетом, чтобы враг, подходивший к крепости с запада, не мог его видеть, а если и пытался к нему пробиться, то должен был двигаться по узкой тропе у северной подошвы башни, обратившись к защитникам крепости своей не прикрытой щитом правой стороной. В южном простенке входа сохранилось гнездо ($20 \times 20 \times 20$ см) для засовного бревна. Как внутренний порог,

²⁴ *Лекавадзе В. А.* О древнейших оборонительных сооружениях Археополиса — Нокалакеви // СА, 1959. № 3. Рис. 3.

²⁵ Там же. Рис. 2, 3, 8.

сложенный в три ряда квадров вне связи с боковыми стенками, так и одна сторона арки, утопленная в стене, находят соответствие в постройках Археополя²⁶, выдавая один архитектурный почерк.

В восточной стене башни хорошо виден стык с главной стеной, поворачивающей здесь под прямым углом к востоку. Стык этот указывает, что данная башня, как и катапультная, была возведена после завершения строительства главной стены. До начала раскопок в Цибилиуме считалось, что крупноквадровая кладка в Восточном Причерноморье предшествует по времени грубой мелкоквадровой кладке. На этом основании, например, протейхизма Археополя датировалась более ранним временем, чем его главные стены²⁷. Однако в нашем случае удалось ясно показать, что они сосуществуют и даже (ко времени строительства) занимают противоположную хронологическую позицию — башня 3, возведенная вперевязку с протейхизмой, пристроена к главной стене. Квадратные башни с угловыми опорами известны в ряде византийских укреплений VI в. (Калиакра, Северная Африка)²⁸.

Подшвы фундаментов башни 3 опираются на скалу, наклон которой заставил строителей сделать цоколи ступенчатыми, возвести в центре башни полуметровую подпорную стенку и нанести сюда такой же мощности слой земли с обломками керамики, бронзовой фибулой (рис. 8, 4) и др. Раствор, падавший в процессе оштукатуривания стен вниз, покрыл пол башни почти сплошь. Поверх этой растворной корки были вновь насыпаны песок и земля, поднявшие уровень пола у северной стены еще на 0,5 м. Затем был сооружен очаг, вокруг которого начали формироваться культурные отложения. Среди находок — бронзовая крестовидная фибула (рис. 8, 1) и железное орудие для обработки камня (рис. 8, 15). В последующий период запустения очаг затянулся землей, щебенкой и песком; затем короткое время в башне вновь жили и накапливался культурный слой, вскоре перекрытый рухнувшей крышей (рис. 12, в).

При исследовании башни 3 было просмотрено около 11 тыс. обломков керамики, из которых амфоры составили 14,7 %, пифосы — 27,3, кувшины (рис. 13, 3) — 25,2, горшки — 31,5, миски и чаши — 1,5, краснолаковая посуда (рис. 13, 7) — 0,15 %. В башне найдены также обломки стеклянных рюмок и чаш, железные наконечники стрел, панцирные пластины, обломки ножей и наконечников копий, костяные пластины от обкладки луков, бусы, пращевые ядра и кости животных. При этом абсолютное большинство амфор относятся к заключительному периоду использования крепости.

В южной части перибола, между второй башней и протейхизмой, выше линии водопровода исследовано помещение (7,09 × 2,56 м), которое открывалось на север широкой аркой, а в южной стене имело два дверных проема. На западной стене катапультной башни сохранились следы раствора (рис. 19), указывающие высоту арки сводчатого перекрытия помещения (2,7—2,8 м). В западной нише поверх каменного пола обнаружены остатки костров, залегавшие линзами. К последнему периоду функционирования помещения относится бронзовая Т-образная шарнирная фибула (рис. 8, 3).

От башни 1 вдоль стен второй башни и примыкающего к ней помещения расширен коридор: его общая длина свыше 26 м при ширине до 1,8 м (рис. 20). Толщина внешней стены 0,6 м. В западной части коридора сохранились три ступени лестницы (рис. 21), которая через крышу помещения и нишу вела в первую башню. У юго-западного угла катапультной башни находилась промежуточная калитка, а в конце 17-метрового коридора — калитка в первой куртине — единственный вход в крепость с запада. Его ширина не превышала 1 м.

Куртина 1 упирается в обрыв. Ее длина 35 м, толщина от 2,3 м у калитки до 1,4 м — у края пропасти. Изнутри к куртине примыкают три

²⁶ Там же. Рис. 2, 3.

²⁷ Там же. С. 154.

²⁸ Diehl Ch. Justinien et la civilisation byzantine au VIe siècle. P., 1901. Fig. 87, 92; Овчаров Д. С. Византийски и български крепости. . . Обр. 25.

помещения, первое (2,2×2,3 м) из которых, расположенное рядом с входом, вероятно, выполняло сторожевую функцию (рис. 22). На поверхности пола из наносной земли найдены точильный брусок и обломки посуды — амфор, кружек и горшков. Полom следующего помещения (3,23×5,45 м) служила подрубленная скала, а у куртины — наносная земля, поверх которых отмечены следы костров и собраны обломки керамики и стеклянных сосудов. Третье помещение, представлявшее собой, по-видимому, навес (14,5×3 м), ограничено с юга и севера двойными стенами, выведшими на боевую тропу куртины. Слой, образовавшийся в период использования крепости, содержал обломки амфор, пифосов, апсильских двуручных сосудов и кувшинов, чаш, горшков, кружек, красолаковых блюдов (рис. 13, 6), черепицы, стеклянных сосудов (рис. 8, 11), железные наконечники стрел, гвозди, бронзовые пряжки (рис. 8, 5), обломки бронзовых браслетов, фибул, цепочек, серебряную бляшку (рис. 8, 10), керамические пряслица и точильные камни.

К северу от внутренней крепостной калитки вдоль главной стены (куртина 2) раскопан ряд помещений различного назначения (рис. 23). Помещение 2—1 (6,95×3,25 м) примыкает к катапультиной башне, с которой связано дверным проемом. Его пол образован толстым (до 10 см) слоем водонепроницаемой цемянки, с закруглением переходившей в штукатурку стен (рис. 12, 6). Две другие двери выводили — одна на север, в винный склад, вторая — на восток, в хозяйственное помещение; в проемах сохранились следы брусьев от порогов. На полу выявлены остатки пожара: прогоревшие балки перекрытия, брусья дверных коробок, скопления угля и золы, в которых обнаружено свыше сотни железных панцирных пластин различной конфигурации. Часть пластин особо крупных размеров — из конского доспеха персов, сюда же относится уздечный набор, рядом с которым находился железный крюк, торчавший из обуглившегося обломка дверной коробки. Здесь найдены, кроме того, бронзовые ручки от деревянных (походных?) шкатулок, ременные наконечники, железные и бронзовые пряжки, железные гвозди, крюк, обрывки цепи, обломок пилы, нож, каменная ступа, серебряная монета Кавада, отчеканенная в 505—506 гг. в городе Мерве. Вдоль стен собрано свыше 20 железных наконечников стрел, а в центре помещения лежал боевой апсильский топор (рис. 8, 16).

Удалось установить, что северо-восточный угол помещения был взломан во время штурма, а стрелы и топор были заброшены через эту брешь. Яркая картина боя, обрисованная всеми этими находками, невольно вызывает в памяти сообщение Прокопия Кесарийского о сражении между персами, оккупировавшими летом 550 г. крепость, и восставшими апсилами. После недолгого запустения, в процессе которого штукатурка и верхние части стен завалились внутрь, затянув пожарище слоем песка, извести и щебенки, помещение вновь обрело крышу, а завал разровняли и построили у северной стены очажную площадку. Среди находок в этом слое преобладала керамика: амфоры, пифосы, кувшины (рис. 13, 9), горшки, чаши (рис. 13, 2). Здесь же найдены железное кресало, гвоздь, панцирные пластины, комок кольчуги. Еще один период запустения (новая прослойка песка и щебенки) завершился недолгим обитанием, отмеченным остатками двух костров и многочисленными обломками амфор, пифосов, кувшинов и горшков, раковин, улиток и створок морских устриц.

Служебное помещение 2—2 — небольшая (2,9×2,1 м) комната, примыкающая к помещению 2—1 с востока. Основную часть ее пола занимает каменная платформа (1,45×1,15 м), по сторонам которой в углах стояло два пифоса. Платформа отделена от ступени под дверным порогом глубоким желобом. В слое пожарища найдена кружка (рис. 13, 8). Снаружи у северной стены расчищены очаг и следы деревянного навеса.

Ниже расположено винохранилище — прямоугольное помещение (6,95×6,2 м) 2—3, деревянное покрытие которого, державшееся на массивных бревнах, было залито двадцатисантиметровым слоем затертой

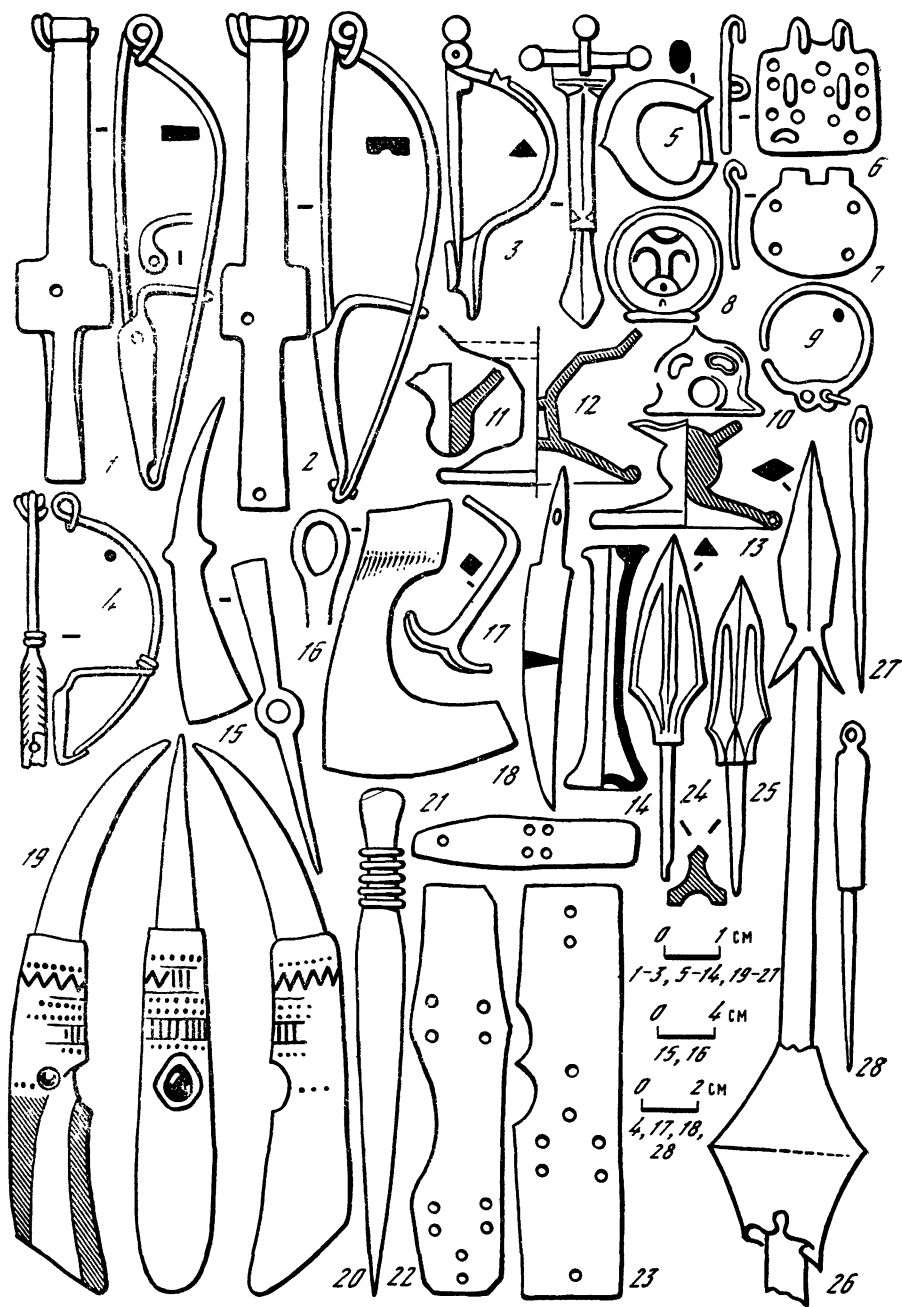

Рис. 8. Находки из культурных слоев VI в.

сверху до блеска водонепроницаемой цемянки. У дверей, ведущих в первое помещение, найдены остатки двухступенчатой каменной лестницы, а в средней части восточной стены прослежено основание дверного проема. Раскопками установлена такая последовательность событий, затронувших винохранилище (рис. 12, *д*). Очищенная от земли скала была выровнена наносной утрамбованной землей, в которую было врыто два десятка пифосов (рис. 13, *1*). Вскоре в результате сильного пожара пифосы были разбиты и погребены под завалом из цемянковой крыши. К этому времени относятся до 30 гвоздей (рис. 8, *17*), свыше сотни обломков панцирных пластин (рис. 8, *21—23*), до десятка наконечников стрел (рис. 8, *25*), наконечник дротика, засовные петли, молот, обломки бронзовых сосудов,

пластинок, проволоки. В одном из пифосов найдено 17 железных петель неясного назначения. После того как деревянная кровля была восстановлена, у северной стены разместили кирпичный очаг, а в средней части были врыты в завал шесть пифосов. Поблизости обнаружены обломки амфор, ножки и стенки стеклянных рюмок, бронзовая круглая пластина, свисток из отростка оленьего рога (рис. 8, 19). Рядом с очагом были зарыты три керамических флакона (рис. 13, 11). Затем помещение было покинуто, крыша и часть стены рухнули, завалив пифосы. Когда внутри винохранилища образовался полуметровый слой мусора, в юго-западном углу была возведена из камня и глины платформа, поверх которой поставлено свыше десятка пифосов. Исходя из данных византийских историков — Прокопия Кесарийского и Агафия Миринейского, можно предложить следующую увязку археологических реалий винохранилища с историческими событиями. Вскоре после постройки помещения им овладели персы (лето 550 г.). Потом произошли сражение с апсилами, пожар и разрушения. В период размещения здесь византийского гарнизона осенью 550 г. помещение было восстановлено. Заключительный отрезок времени его использования отражает пребывание здесь византийского полководца Мартына, возглавлявшего операцию против мисимиан осенью 556 г.

С севера к винохранилищу примыкает помещение 2—4 (6,8×6,12 м). Вдоль его южной и западной стен сохранились каменные скамьи (высота до 0,43 м, ширина до 0,39 м), которые, как и стены, были покрыты толстым слоем штукатурки с закопченной поверхностью. В северо-восточном углу расположено выложенное булыжником углубление для стока (0,9×0,9 м). В восточной стене сохранился дверной проем шириной до 1,05 м. В помещении выявлено два слоя накоплений. На поверхности частично скалистого, частично земляного пола налицо следы пожара: обугленные бревна и брусья от перекрытия, среди остатков которых найдены железные наконечники стрел, панцирные пластины, бронзовые перстень с изображением на печатке (рис. 8, 8) и браслет, рюмки из синего и зеленого стекла. Верхний слой содержал следы костров, обломки многочисленных амфор и кружек, среди которых примечательна верхняя часть северокавказского (аланского) сосуда.

С востока к предыдущему примыкает помещение 2—4а (2,7×2,2 м). Среди находок — дно рюмковидного стеклянного сосуда (рис. 8, 13). Южная каменная стена помещения снаружи подперта булыжниковой платформой, северная стена — утрамбованным массивом наносной вязкой глины. Убрав последнюю, мы обнаружили в расщелинах скалы под стеной две закладные (?) медные монеты, отчеканенные в первое десятилетие правления Юстиниана I в Константинополе и Теополесе (рис. 11, 7) — так в ноябре 528 г. была переименована Антиохия. Эта находка наряду со многими другими фактами позволила четко ограничить начало строительства Цибиллиума в данной его части временем не ранее лета 529 г.

Севернее к главной стене примыкает небольшой каменный бассейн (внутренний размер 0,9×0,81 м при глубине до 0,7 м), стенки которого, как и прилегающая площадка (3,9×3,6 м), выложенная плитняком и кирпичом, были покрыты водонепроницаемой цемянкой. Бассейн имел деревянный навес (помещение 2—5). На площадке найдены обломки амфор и другой посуды, керамический водосток, железные гвозди, наконечник крупной стрелы с шипами и свинцовым стабилизатором (типа рис. 8, 26), нож, бронзовые стержень и щиток пряжки (8, 7).

Ниже от главной стены на восток тянется каменная подпорная стенка, образующая на крутом склоне террасу. Под ней расчищен участок водопровода — цемянковый желоб, перекрытый черепицей с клеймами (рис. 11, 5), содержащими имя епископа Константина, по-видимому, первого епископа апсильов. В растворе, покрывавшем черепицы, найдена бронзовая пластинчатая крестовидная фибула (рис. 8, 2). У главной стены выявлено основание (площадка и несколько слегка выступающих ступеней) монументальной лестницы (рис. 24), которая вела на боевую тропу стены и крышу башни 3. Прилегающее пространство выложено

булыжником. Среди находок — верхняя часть амфоры (рис. 13, 16). К лестнице с востока примыкало помещение 2—6 (4,35×2,72 м), вход в которое вел с юга. Восточная его часть занята платформой из булыжника, поверхность которой залита цемянкой. К северу расчищено здание (помещение 2—7), встроенное в угол между куртинами № 2 и 3 и имевшее, по-видимому, три этажа (рис. 25). На первый этаж вела узкая (ширина 0,82 м) дверь через восточную стену из коридора между зданием и цистерной № 1. На второй этаж дверь вела из помещения 2—6. От нее сохранились проем шириной 0,86 м и след деревянного порога. Междуэтажное перекрытие опиралось на два яруса бревен, положенных накрест друг на друга. Стены здания были оштукатурены, а пол выровнен утрамбованной наносной землей, в которую у восточной стены были вкопаны два пифоса, а у западной стены лежали две амфоры (рис. 13, 15). Здесь же находились чернолощенный кувшин (рис. 13, 4), медная иголка, железный нож, обломки стеклянных рюмок, куриные кости. Затем произошел пожар. Остатки перекрытий, рухнув вниз, образовали почти полуметровый слой угля и золы, в котором найдены железный нож, многочисленные гвозди, наконечники стрел (рис. 8, 24, 26), дверной засов, обрывки кольчуги, более 100 пластин от панциря. Стены здания некоторое время осыпались, образовав прослойку толщиной до двух метров, поверх которой вдоль северной стены затем была возведена платформа из камня и земли (мощностью до 1,5—2 м). Среди находок — обломки амфор, пифосов и кувшинов, относящихся к последнему периоду использования здания.

Расположенная восточнее первая цистерна представляет собой (рис. 26) прямоугольный бассейн-накопитель (его размер 5,6×6,4 м при глубине свыше 3 м), куда ведет водопровод. Каменные стены и пол бассейна были покрыты толстым (до 2—3 см) слоем красной цемянки. В толще стен выявлены пояса из двух и трех прослоек квадратного кирпича (31×31×4 см) (рис. 11, 5), на лицевой стороне которого сохранились отпечатки клейм с именем епископа Константина и греческая молитвенная надпись (рис. 27). На дне цистерны — обломки амфор, пифосов, двуручного кувшина, светильника, мисок с придонными ушками, стеклянных рюмок. Поверх них — обломки плит от лестницы с боевой платформы куртины 3. С востока к первой цистерне примыкает вторая (длина 14 м, ширина свыше 6 м, глубина до 4 м). Бассейны соединяет труба из керамических и каменных звеньев. Выход трубы углублен в небольшую арку, рядом с которой находится платформа, служившая, по-видимому, основанием лестницы, по которой спускались в бассейн. С противоположной, восточной, стороны сохранились основания двух каменных ниш (рис. 28), в одной из которых, в глубине арки, видно отверстие: отсюда водопровод уходит в сторону второго утеса. Сходная по форме, размерам и расположению сдвоенная цистерна имела в крепости Айясолук-Сельджук (Малая Азия), датируемой юстиниановской эпохой²⁹.

Центральное положение в системе застройки западного утеса занимает прямоугольное (49,4×12,4 м) здание, северная стена которого сохранилась местами на высоту до 6 м. Внутреннее пространство разделено на отсеки перегородками, сложенными как на растворе, так и из ломаного камня насухо. Расчистка восточных отсеков показала, что постройка служила выравнивающим скалу основанием обширных деревянных помещений казарменного типа. Нижняя часть отсеков была заполнена наносной землей (толщина до 1,4 м), содержавшей обломки амфор, пифосов, краснолаковой и стеклянной посуды, изделий из железа и бронзы. Позднее отсеки были заполнены завалом (до 2 м) из ломаного известняка, поверх которого раскрыта булыжниковая вымостка с кострищами, обломками амфор, пифосов, каменной чаши, жерновов ручных мельниц и другими предметами, относящимися к заключительному этапу функционирования крепости.

²⁹ Müller-Wiener W. *Mittelalterliche Befestungen in Südlichen Jonien // Istanbuler Mitteilungen*. 1961. Heft II, Beil. II.

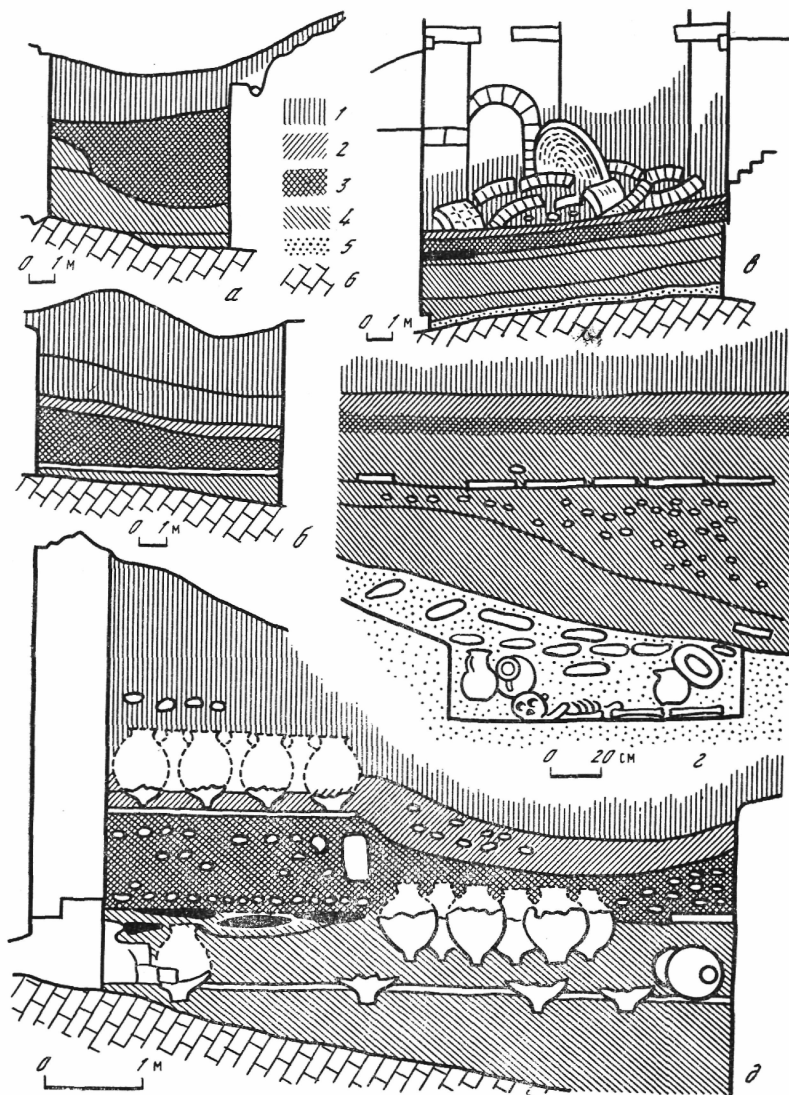

Рис. 12. Стратиграфия накоплений в различных объектах Цибилума — башне № 2 (а), помещений II — 1 (б), башне № 3 (в), в периболе (г) и в винохранилище (д). 1 — завалы, 2 — накопления 556 г.; 3 — накопления 550—551 гг.; 4 — накопления 529—549 гг.; 5 — накопления периода, предшес. ующего строительству крепости; 6 — скала

Господствующее положение на краю обрыва занимает храмовый комплекс (рис. 29). Поскольку он в недораскопанном виде неоднократно публиковался Л. Г. Хрушковой по ее материалам 1977—1979 гг. (рис. 30, 1)³⁰, мы не будем здесь давать его полного описания, ограничившись лишь констатацией тех важных черт памятника, которые были упущены исследователями и выявлены нами в процессе исследований, проведенных после работ Л. Г. Хрушковой, в 1979—1984 гг. (рис. 30, 2)³¹. Начнем

³⁰ Хрушкова Л. Г. Скульптура раннесредневековой Абхазии V—IX вв. Тбилиси, 1980. Табл. XXIII, 4; Она же. Новые данные о распространении христианства у апсидов // ИАИ, 1980. IX. С. 166, рис. 1, 2; Она же. Раскопки двух церквей в 1977 г. // АИЦ, 1983. С. 61—74; Она же. Три церкви в горной Абхазии: (Раскопки 1977—1979 гг.) // ВВ, 1982. 43. С. 147—177; Она же. О религиозных верованиях апсидов (IV—VII вв.) // ИАИ, 1984. XII. С. 76—87. Обе ранние церкви Цибилума выявлены были авторами этих строк, а исследование этих памятников велось совместно всеми участниками экспедиции в 1977—1978 гг.

³¹ Воронов Ю. Н. Раскопки в Цебельде // АО 1980 г. 1981. С. 399; Воронов Ю. Н., Баажба О. Х., Шенкао Н. К., Логинов В. А. Исследования в Цебельде. С. 24 и др.

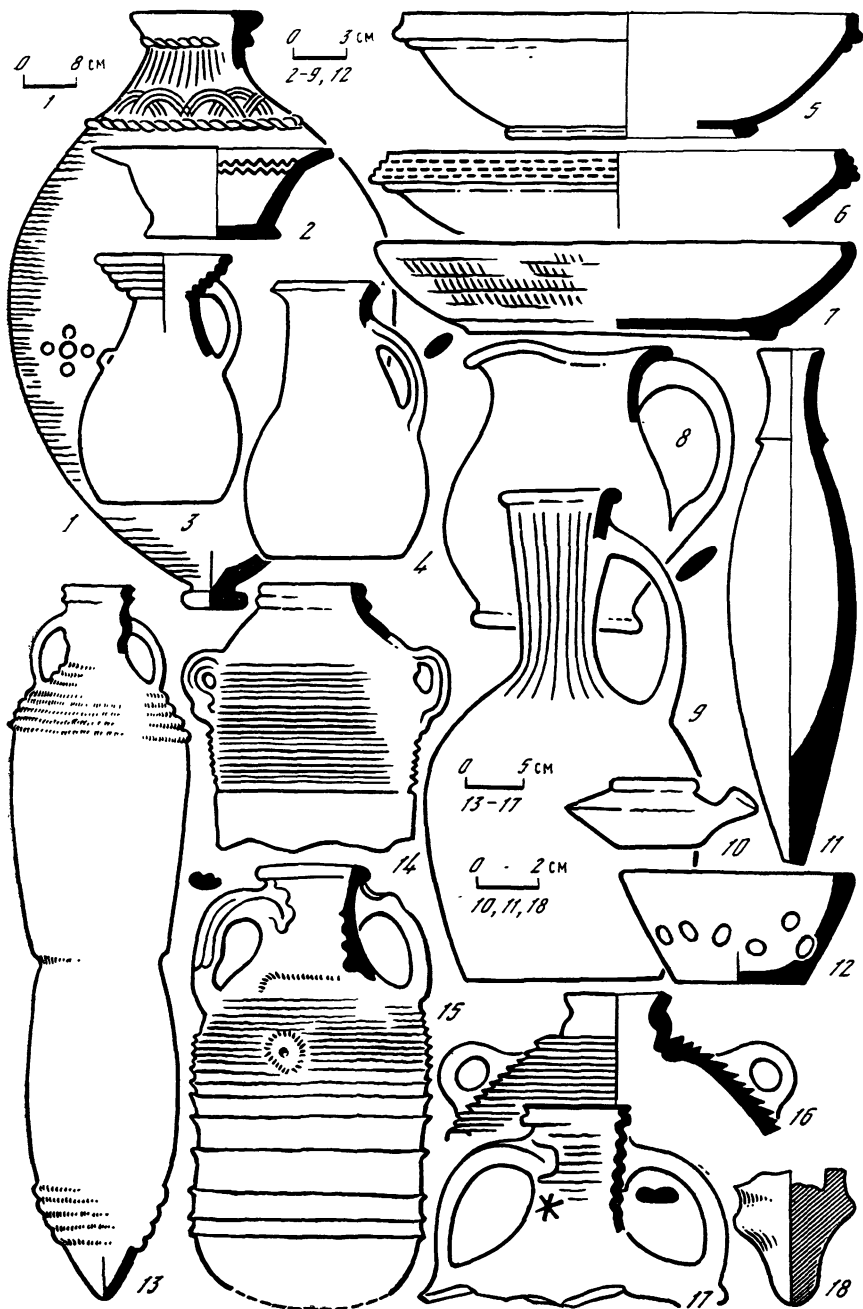

Рис. 13. Находки из культурных слоев VI в.

с малой базилики, где, по утверждению Л. Г. Хрушковой, северная стена не сохранилась полностью, а от западной остался лишь «несколько камней на растворе»³². В действительности обе стены сохранились на высоту свыше 1,5 м и в них хорошо прослеживается по одному дверному проему. Последние были заложены при включении этих стен в позднефеодалную церковь, у которой, таким образом построенной полностью заново, оказалась лишь южная стена с новым входным проемом. Исследовательница полагает далее, что апсида раннесредневековой базилики переходила в стены нефа без наружных заплечиков³³. Однако северный заплечик

³² Хрушкова Л. Г. Три церкви. . . С. 153.

³³ Там же. С. 154—159, рис. 16, 36.

сохранился полностью (его ширина 0,5 м), а южный определяется направлением наружной линии южной стены. Неверно и то, что фрагмент стены, примыкающий к северо-западному углу малой базилики, относился к некоему западному «вспомогательному» помещению 1³⁴. После наших раскопок выяснилось, что такого помещения в комплексе вообще не существовало, а рассматриваемый фрагмент оказался частью северной стены нартекса малой базилики. В этой стене находился вход, к которому вела хорошо прослеживаемая на скале тропа.

В большой базилике и связанных с ней помещениях нами установлены следующие реалии, отсутствующие или иначе интерпретированные в публикациях Л. Г. Хрушковой: 1) дверной проем, соединивший наос с нартексом³⁵; 2) основания еще трех песчаниковых колонн перед алтарем; поэтому отсутствие следов колоннады в малой базилике позволяет связать найденную в 1907 г. А. А. Миллером в развалинах позднесредневековой церкви капитель не с малым³⁶, а с большим храмом; 3) основание алтарной преграды, наружная сторона которой была покрыта росписью по штукатурке: сохранились изображения трех рядов кирпичей, выделенных красной краской (рис. 31); 4) вопреки утверждению Л. Г. Хрушковой, что синтрон «выступал в неф»³⁷, установлено, что он не доходил до заплечика на 0,9 м; 5) подчеркнута, что оба внутренних заплечика апсиды совпадали с линией алтарной преграды, а не были асимметричными, как это представлено в публикациях Л. Г. Хрушковой³⁸; 6) выявлена наружная гранность цокольной части апсиды, позволяющая говорить о пятигранном наружном оформлении и самой апсиды³⁹; 7) установлено, что наружный контур купели имеет не аморфную и не «прямоугольную» форму, а характеризуется слегка вогнутыми боковыми стенками, широкими заплечиками и апсидообразным выступом в восточной части, как бы имитируя храм (рис. 11, 9)⁴⁰; 8) по совершенно явным следам на полу определена ширина дверного проема между помещениями с крещальной и алтарем; 9) обнаружено небольшое продолговатое поме-

³⁴ Там же. С. 169, рис. 1.

³⁵ Л. Г. Хрушкова утверждает, что от входа из нартекса в наос «ни порога, ни остатков ступеней не прослеживается» (*Хрушкова Л. Г. Три церкви. . . С. 162*). На приложенном к статье фото (рис. 23) видно дерево, убрав которое, мы зачистили оштукатуренную поверхность основания прохода, сохранившего снаружи след от бруса порога.

³⁶ *Хрушкова Л. Г. Три церкви. . . С. 159*.

³⁷ Там же. С. 162. На фото, комментирующем этот вывод (рис. 20), четко виден конец горизонтальной кладки синтрона, к которому справа прислонено несколько камней без раствора, принятых исследовательницей за продолжение синтрона, на самом же деле относящихся к позднесредневековому зданию.

³⁸ *Хрушкова Л. Г. Новые данные. . . Рис. 2; Она же. Три церкви. . . Рис. 4.*

³⁹ Согласно полевому дневнику руководителя Цебельдинской экспедиции за 1978 г., гранность апсиды большой базилики была отмечена в день ее обнаружения, однако Л. Г. Хрушкова в дальнейшем с этим не согласилась. В 1980 и 1985 гг. мы расчистили северо-восточную часть апсиды до скалы, раскрыв северную (1,7 м), северо-восточную (2,8 м) и восточную (3 м) грани. Юго-восточная и южная грани почти не сохранились из-за сильной оббитости облицовки. Л. Г. Хрушкова в одной из недавних своих публикаций, признав некоторые наши уточнения (дверной проем между наосом и нартексом, предалтарную колоннаду, нартекс малой базилики), продолжает считать, что наше наблюдение о гранности апсиды «не соответствует действительности», поскольку эта апсида «выше уровня фундамента» сохранилась лишь на небольшом отрезке, а «форма фундамента не показательна» (*Хрушкова Л. Г. О религиозных верованиях. . . С. 81—92*). Для нас же форма цокольной части (термин «фундамент» по отношению к сохранившейся апсидной части не удачен, поскольку, будучи обращена в обрыв, она была в древности открыта для обзора, а фундаментом служила скала) является показательной, ибо, как свидетельствует южная часть апсиды, переход от цоколя к стенам не был выделен. Л. Г. Хрушкова особо подчеркивала, что реконструируемая ею полукруглая форма апсиды большой базилики «не типична для Восточного Причерноморья, где апсиды почти всех известных раннехристианских базилик снаружи полигональные» (*Хрушкова Л. Г. Три церкви. . . С. 162*).

⁴⁰ На фотографии купели (см.: *Хрушкова Л. Г. Три церкви. . . Рис. 25*) ясно видны ее стенки и переход от них к остаткам пола, разбитого в позднее средневековье. Рваные края этого пола на плане Л. Г. Хрушковой принимаются за контуры самой купели.

щение, примыкающее к южной стене нартекса и не заслонявшее вход в баптистерий, и др.

Между малой и большой базиликами Л. Г. Хрушкова отметила «остатки трех помещений», предназначавшихся, по ее мнению, «для хранения церковного имущества, отдыха священнослужителей и т. п.»⁴¹. Однако, как отмечалось выше, никаких оснований для выделения первого из этих помещений нет. В основном же помещении нами выявлена гробница (1,3×0,5 м), слегка расширенная к западу (рис. 11, 8). Ее перекрытие состояло из восьми досок-сороковок, поверх которых положен слой камня на растворе толщиной до 0,3 м. От досок сохранились отпечатки на толчке гробницы и пазы. Стены и пол гробницы оштукатурены. Внутри находился ковчег — деревянный ларец, от которого уцелели железные гвозди и обломки черно-коричневой древесины. Ларец содержал несколько мелких разрозненных человеческих костей: фалангу пальца, позвонок, обломки ребра и черепной коробки (рис. 32). Северная стена этого помещения частично (северо-западный угол) примыкает к южной стене баптистерия, а частично сложена вперевязку с ней, что указывает на одновременность их возведения. Южная же стена помещения с гробницей построена к оштукатуренной поверхности северной стены малого храма, т. е. последний уже стоял ко времени строительства большого храма, баптистерия и помещения с гробницей. Этим вскрывается несостоятельность основного тезиса Л. Г. Хрушковой относительно хронологии ранних церквей Цибилиума (дата большого храма ею определена концом V — первыми десятилетиями VI в., а малого — второй половиной VI — первой половиной VII в.)⁴². В действительности малая базилика была возведена раньше других построек, хотя и в рамках единого замысла. Благодаря находке гробницы с мощами содержащее ее помещение, на наш взгляд, логичнее всего определять как мартирий, посвященный какому-то видному мученику. Несмотря на определенные отличия от известных нам раннесредневековых мартириев⁴³, с ними наш памятник сближают такие важные черты, как двухчастное деление основного помещения (северная ячея, по-видимому, оставлена для какого-то почетного захоронения), примыкающее с востока дополнительное помещение (проявляется ныне лишь высеченным в скале прямоугольным углублением), расположение мартирия к северу от малого храма, с которым он был функционально связан, о чем говорит высоко поднятый дверной проем в северной стене последнего, который выводит на западную стену мартирия. Таким образом, малая базилика имела мемориальные функции, чем и объясняется ее господствующее положение в комплексе. Дата храмов соответствует дате крепости — самый конец 20-х—30-е годы VI в. н. э.

Цибилиум занимает центральное положение в системе обороны Апсолии, насчитывающей более десятка крепостей, которые запирают все ущельные проходы, ведущие с Северного Кавказа через Марухский, Клухорский, Нахарский и другие перевалы к византийскому Себастиополю (совр. Сухуми)⁴⁴. Основные характеристики апсильских крепостей и их аналогов в других районах Колхиды, не имеющих здесь прототипов, свидетельствуют об участии в их возведении византийских строительных отрядов и инженеров (Прокопий сохранил и имя Фомы Армянина, который в этот период «построил в Лазике, по приказанию императора, много укреплений»)⁴⁵. Не случайно каждая из крепостей Апсолии построена при местном поселении, что свидетельствует о единстве интересов Византии и аборигенов, на которых была возложена функция охраны северо-

⁴¹ Хрушкова Л. Г. Три церкви. . . С. 169.

⁴² Там же. С. 161, 176.

⁴³ Левкинадзе В. А. Раннесредневековые памятники Вашнари // СА, 1972. № 3. С. 31—32, рис. 1; 5, а, б, в.

⁴⁴ Воронов Ю. Н. Тайна. . . С. 11, 29—38, 142.

⁴⁵ Прокопий Кесарийский. История войн римлян с персами. СПб., 1880. С. 234 (II, 30).

восточных границ империи, подобная той, которую несли федераты по левобережью Дуная ⁴⁶.

Контрольные раскопки в крепости на горе Шапки, где располагалась резиденция правящего рода Апсилии, показали синхронность ее крепостей и их тактическое единство ⁴⁷. Как отмечалось выше, ближайшим архитектурным аналогом Цибиллиуму в Восточном Причерноморье является главная крепость Лазики Археополь (совр. Нокалакеви), материалы которого (амфоры, флаконы, пифосы, лутерии, лощеные кувшины, горшки, судки, светильники, стеклянная посуда, оконное стекло, панцирные пластины, наконечники стрел, греческие надписи, медные монеты Юстина I и Юстиниана I в основании культурных отложений и др.) ⁴⁸ достаточны для синхронизации времени постройки обеих крепостей в рамках второй четверти VI в. ⁴⁹ Множество общих черт отмечается у Цибиллиума и с рядом других крепостей Колхиды (Трахея, Гагра, Хашупсе, Каман, Пскал-Тцахар, Петра, Родополь, Сканда, Сарапанис, Кутаис-Мохорисис и др.), многие из которых также впервые упоминаются Прокопием. В преддверии вторжения персов и их союзников (рис. 33, 1) эти крепости образовали единую восточнопричерноморскую систему обороны (рис. 33, 2) ⁵⁰, которую логичнее всего сопоставить с обсуждаемым уже столетие известным соображением Прокопия Кесарийского о том, что Юстиниан в Колхиде «укрепил все ущелья. . . — их обыкновенно называют Клисурями, чтобы таким образом перед врагами (т. е. перед персами и их северокавказскими союзниками. — Ю. В. и О. Б.) были заперты все пути в Лазикю» (О постройках. III, 7).

Дальнейшие исследования Цибиллиума и его аналогов в Восточном Причерноморье открывают широкую перспективу в изучении истории не только местных народов (лазы, апсилы, абасги и др.) и их роли в обороне границ Византии, но и истории самой Империи юстиниановской эпохи применительно к ее северо-восточным приграничным районам, включавшим и Западное Закавказье ⁵¹.

⁴⁶ Франчес Э. Византийское государство и левобережье Дуная в VI в. // ВВ, 1961. XX. С. 14, 18.

⁴⁷ Бгажба О. Х. Исследования в Цебельдинской долине // АО 1981 г. 1983. С. 405; *Он же*. Работы в Цебельдинской долине // АО 1982 г. 1984. С. 421.

⁴⁸ Левинадзе В. А., Хведелидзе Л. И. Массовые археологические находки из раскопок Археополиса // Нокалакеви — Археополис. Археологические раскопки 1973—1977 гг. Тбилиси, 1981. С. 120—149.

⁴⁹ Воронов Ю. Н. Восточное Причерноморье в железном веке: Вопросы хронологии и интерпретации памятников VIII в. до н. э. — VIII в. н. э.: Автореф. дис. . . . д-ра ист. наук. М., 1984. С. 30—32.

⁵⁰ Воронов Ю. Н. Западный Кавказ в эпоху Юстиниана (527—565 гг.) // XIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: (Тез. докл.). Майкоп, 1984. С. 23—25.

⁵¹ Удальцова З. В. Внешняя политика Юстиниана // История Византии. М., 1967. Т. 1. С. 332—336.